

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

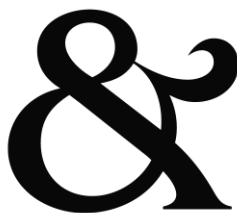

**Читайте романы
Екатерины ЛЕСИНОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Маска короля
Рубиновое сердце богини
Кольцо князя-оборотня
Проклятие двух Мадонн
Крест мертвых богов
Готический ангел
Медальон льва и солнца
Улыбка золотого бога
Хризантема императрицы
Черная книга русалки
Плеть темной богини
Неизвестная сказка Андерсена
Ошейник Жеводанского зверя
Слезы Магдалины
Счастливый доллар
Вечная молодость графини
Браслет из города ацтеков
Фотограф смерти
Райские птицы из прошлого века
Алмазы Джека Потрошителя
Серп языческой богини
Дельфийский оракул
Бабочка маркизы Помпадур
Кольцо златовласой ведьмы
Музыкальная шкатулка Анны Монс
Лунный камень мадам Ленорман
Клинок Минотавра

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Екатерина ЛЕСИНА

**Лунный камень
мадам Ленорман**

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л 50

Оформление серии *С. Курбатова*

Лесина, Екатерина.

Л 50   Лунный камень мадам Ленорман : роман /
Екатерина Лесина. — Москва : Эксмо, 2014. —
384 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-75872-2

Жизнь легендарной гадалки и ясновидящей XIX века мадам Ленорман окутана тайнами. Она предсказывала судьбу и обычным крестьянам, и сильным мира сего. Именно Ленорман предрекла великое будущее Жозефине Буанарт и ее мужу, а помогал ей в этом магический лунный камень «Око Судьбы». После смерти провидицы камень попал к другой гадалке и оказался в России... В старинном особняке на острове живет многочисленное семейство. И все у них есть, кроме счастья. Хозяин дома Кирилл недавно умер при загадочных обстоятельствах, родственники ненавидят друг друга... К Грише, сыну погибшего, приезжает молодая учительница Маша и первым делом знакомится с... призраком, который, по преданию, охраняет таинственное сокровище и появляется перед обитателями дома перед их смертью. Почему же на этот раз Женщину в белом увидела совершенно посторонняя девушка и неужели теперь сама Смерть пришла за Машей?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лесина Е., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75872-2

ел дождь.

*Он начался еще на переправе,
и женщина, скрывавшая лицо*

*за плотной вуалью, хмурилась, куталась в плащ, который,
впрочем, не способен был спасти ее от сырости. Зябли руки,
и ноги замерзли до того, что пальцев своих она не ощущала.*

*— Скоро уж, — словно извиняясь за дождь и прочие
неудобства, сказал мужик. Он ворочал веслами бодро,
и лодчонка покачивалась на черных волнах озера.*

Неуютно.

*Жутковато даже. Низкое, какое-то обвислое, будто
брюхо старой облезлой собаки, небо. И темная вода. Весла
тревожат ее, поднимают водяные нити, и капли осыпа-
ются, рождают круг за кругом.*

Скрипят уключины.

*И само это озеро вдруг видится частью великой реки
Стикс, а провожатый — хмурый, по самую макушку за-
кутанный в черный рыбацкий плащ, — чем он не великий
Харон?*

Разве что голосом тонким, почти женским.

*— Оно-то главное до грозы успеть. — Он чувству-
ет ее неудобство и страх, за который женщине стыдно,
и она прячет лицо, пусть бы в этом полумраке, да и за
вуалью, его выражения не разглядеть. Но взгляд мужика
становится цепким, неудобным. — Когда грозы шалить
начинают, с острова уже не выбраться.*

Он выплывал из сумрака медленно, темная, проклятая земля. Горб, вздыбившийся, выползший из воды, причудливый зверь, однажды уснувший и позабывший о том, что был зверем. Шкура его поросла тонкой земляной корой, а в ней уже прижились хилые деревца.

...почему он забрался сюда?

Выстроил дом на острове? Или нарочно? Зная ее страх перед водой? Он притворялся если не другом, то старым приятелем, цеплялся за нее письмами, воспоминаниями, которых не так много, но достаточно. Он знал о стесненных условиях, в которых она пребывает.

— Вот приедете — отогреетесь. — Мужик поднял весла, позволяя воде нести лодчонку. С широких лопастей скатывались капли, и по воде бежали круги. — Там Николашкина супружница поварихою, а уж она-то знатно готовит...

— Скажи, давно он здесь живет?

Голос женичины был ломким, неуверенным. И сама она сцепила пальцы под подбородком, с трудом сдерживаясь, чтобы самым позорным образом не впитаться в деревянные борта. Не завизжать. Не потребовать, чтобы ее вернули к старой пристани. А оттуда, подхватив саквояж, кинуться к деревеньке. Глядишь, и выйдет убраться дотемна...

Но куда?

И дальше как быть?

Нет, без его помощи женичине не обойтись. И согласившись на его условия, она не отступит. Игра? Пускай. Ему думается, что он умнее прочих? Ложь. Но пусть себе... чего он хочет? Истины? Или мести? Пять лет прошло, а не забыл. В письмах ни словом, ни намеком не обмолвился об Ольге, и она сама не затрагивала ту болезненную тему, но когда он, живо сочувствуя новым обстоятельствам ее жизни, предложил приехать, поняла: в ней дело, в Ольге...

Пять лет — много ли?

Мало. И дня не проходит, чтобы не потревожила мамья.

— Хозяин-то? — Мужик вновь заработал веслами. Они взлетали над водой, чтобы, описав полукруг, вновь нырнуть в плотные глубины озера, зачерпнуть, надавить, подтолкнуть лодчонку ближе к берегу, укутанному в туманные шали. — Так второй-то год пошел... все строился. Странный человек, уж прости, Господи... нет, никто-то от него дурного не видел. Обходительный господин, да только...

Мужик покосился на берег и на дом, что виднелся в сумраке, белесая, седая громадина, скалу оседлавшая.

— Разве ж будет нормальный человек жить наосо-бицу?

Не будет.

А мужик, словно поймав на себе взгляд слепых окон дома, замолчал, сгорбился и злее, быстрее заработал веслами. Ему хотелось достичь берега и высадить неприятную гостью. Длинная и тощая, в темном траурном одеянии, которое лишь подчеркивало неестественную ее худобу, и лицо завесила. Ветер нет-нет да и подвинет вуальку, и тогда мелькает бледное, какое-то нечеловеческое в чертах своих лицо.

Жутко смотреть на него. А не смотреть не выходит.

— Сродственник ваш? — Лишь когда лодчонка добралась до пристани, мужик обрел дар речи. Заарканив веревкой столб, он подтянул суденышко вплотную к доскам, свежим, еще сохранившим мягкий аромат дерева. Вылез первым и руку даме подал.

Приняла. Оперлась и сдавила неестественно тонкими ледяными пальцами.

— Родственник, — согласилась она. — Муж сестры.

И опережая вопрос, добавила:

— Она умерла.

— *Горе-то какое. — Мужик, спрыгнув в лодку, вытащил и подал саквояж, показавшийся тяжеленным. Но женщина приняла его без натуги. На чемоданы она смотрела равнодушно, а он, не зная, как быть, просто выгрузил их на настил.*

К дому отнести?

И проводить... но страшно... всякое говорили и про остров, и про молчаливого его хозяина.

— *Пять лет уже прошло.*

Она повернулась к дому.

— *Почти прошло... вы можете быть свободны. Меня встретят.*

Ледяной порыв ветра заставил ее отвернуться. Женщина застыла, глядя на черную тропу, по которой медленно двигался желтый огонек.

— *Здравствуй, Анна, — человек остановился в дюжине шагов. В вечерних сумерках он показался ей призраком, тенью. И старая лампа, которую он держал в руке, не разгоняла темноту, но лишь сгущала ее.*

— *Здравствуй.*

— *Ты хорошо выглядишь. — Он все же шагнул к ней.*

— *Лжешь.*

Прежде он не умел лгать, наивно краснел, начинал заикаться, и Ольгу это донельзя забавляло. Что сказала бы она, увидев его сейчас?

Повзрослел. Возмужал. Лицо по-прежнему бледное, чахоточное, с острыми скулами и длинным тонким носом. Губы жесткие. Широкий подбородок. Красив? Нет, но интересен, и Анна позволила себе любопытство, которое он перенес с обычным своим терпением.

— *Изменился? — Он подал ей лампу, сам же подхватил ее саквояж.*

— *Изменился, — не стала отрицать Анна.*

— *Надеюсь, в лучшую сторону?*

Анна промолчала, оглянувшись, но... лодка и прежний ее провожатый исчезли. Сбежать не выйдет. И он, чувствуя ее намерение, сказал:

— *Не думай даже! Я тебя не отпущу.*

— *Только ли меня, Франц?*

Усмехнулся кривоватой болезненной усмешкой.

— *Ты всегда была умнее прочих.*

Пожалуй, но это не спасло ее от беды. Анна шла по узкой тропе, которая поднималась к дому, раздумывая о том, имелся ли у нее иной выход.

Нет. Имение ушло с молотка, а с ним и вещи, столь нежно любимые ею, картины, купленные еще дедом. И бабушкина китайская ваза. Старые канделябры, мебель, приобретенная уже матушкой. Ольгин фарфоровый сервиз, любимые книги и столовое серебро...

Ее дом, саму ее жизнь разодрали в клочья. И что осталось? Горсть воспоминаний? Сожаления о том, что изменить ничего нельзя? Пустота под сердцем? Надежда?

Нет, надежда умерла. Этой ли осенью? Или много раньше?

— *Не печалься, — Франц остановился у двери. — Верь, все, что ни делается — к лучшему.*

Он ответил ей ее же словами. Случайно? Отнюдь. И Анна, отбросив вуаль, ответила:

— *Кого еще ты позвал?*

Франц же вновь усмехнулся. А глаза-то мертвые, стеклянные. Они застыли пять лет тому, на похоронах, и кажется, если взглядеться в них, Анна увидит старое кладбище, клены с облетевшей листвой, церквушку, облезлый купол которой лоснился от дождя, себя же в черном платье...

— *Всех. — Он взял-таки ее за руку и поднес к губам.*

И Анна ощутила сквозь перчатку тепло его дыхания. — Ты ведь понимаешь, что иначе было нельзя?!

Как ни странно, она действительно понимала.

— Скажи, — Франц не спешил отпустить ее руку. — Ты любила ее?

— Любила. — Анна выдержала его взгляд и с улыбкой, очень тихо ответила: — И ее тоже.

В лицо пахнуло теплом, домашним, уютным. Озябшие пальцы Анны не без труда управились с застежкой плаща. Шляпку забрали, и без вуали Анна почувствовала себя беззащитной.

— Ты постарела, — сказал Франц.

Он не собирался щадить ее, да и никого. Имел ли право? Пожалуй.

— Когда придут остальные?

— Уже. Иди. Отдыхай. За ужином встретитесь.

Значит, есть еще время. Отдых? Скорее ожидание. И попытка привести себя в порядок, которая, впрочем, так и останется попыткой. Постарела? В последние месяцы Анна избегала зеркал, но он, демон души ее, словно зная об этом новом страхе, привел в комнату, стены которой украшали зеркала. И куда ни повернись, Анна видела их и себя, в них отраженную.

— Тебе нравится?

Чего он ждал? Признания? Просьбы о милосердии?

— Да, благодарю. — Анна умела сохранять лицо. — Дом великолепен.

— Я старался. — Больше нет насмешек, и Франц, поклонившись, оставляет ее наедине с зеркалами. Из них на Анну смотрит женщина в темном траурном наряде. Она высока и худа до измождения, и платье подчеркивает эту худобу, а еще нехорошую желтизну кожи, болезненный румянец и глубокие тени, что залегли под глазами. В темных волосах женщины блестят серебряные нити. А вялые губы

ее кривятся в слабом подобии улыбки. И Анна, коснувшись зеркальной глади, оставив свой отпечаток на стекле, закрывает отражению глаза. Пусть бы та, другая она, ослепла.

И забыла о том, что случилось пять лет тому...

То, что день будет неудачным, Машка поняла сразу. Она вообще была на редкость невезучим человеком, и если неприятность могла случиться, то она всенепременно случалась с Машкой. И если не могла, то все равно случалась.

Сейчас, стоя в коридорчике, слишком тесном, чтобы вместить трехстворчатый шкаф, подставку для обуви, роскошное зеркало и еще Машку, она разглядывала ботинки. Машка готова была поклясться, что накануне предусмотрительно убрала их в свою комнату, но вот они стоят, черные лоуферы, вернее, некогда черные. Теперь они были заботливо выкрашены в нарядный розовый цвет.

Маркером.

Тем самым розовым маркером, которым сестра на банках писала... водонерастворимым и спиртонесмываемым. И цвет лег на редкость неравномерно.

— Ну... — выглянув в коридор, сестрица хмыкнула, — сама виновата. Убирать надо.

— Теть Маш, — младшенькая благоразумно спряталась за мамину юбку, — так красивше.

— Вот. — Сестрица потрепала младшенькую по вихрастой макушке. — Даже ребенок видит, что у тебя, Машка, вкуса нет.

Дело не во вкусе. Дело в том, что ботинки эти были просто-таки жизненно необходимы Машке.

— Га-а-ль, — протянула она, чувствуя, как к горлу

подступают слезы. — У меня же собеседование... и как я теперь?

— Мои возьми. Хотя...

Ну да, как тут... Галка носила тридцать девятый, а Машка — тридцать шестой, и это не считая нежной любви сестры к высоким каблукам и ярким расцветкам.

— Погоди. — Галка, вручив младшенькой половник, распахнула дверцы шкафа. Оставшийся с незапамятных времен, он был огромен и вмещал кучу самых разнообразных предметов, начиная от садового секатора и заканчивая лыжами, которые Галкин муж сунул в угол три года назад и с тех пор так и не доставал ни разу. — Где-то... вот.

Она вытащила пакет, в котором лежали серые башмаки. Сплюснутые, перевязанные, они походили на двух дохлых крыс, и шнурки матерчатыми хвостами выглядывали из пакета.

— Вот, мне они маленькие, тебе будут большие, но ничего, бумаги в носы напихаешь, и ладно.

Вооружившись щеткой, она очищала ботинки от пыли. А Машка просто стояла, понимая, что день сегодня... ну просто очень неудачный сегодня день...

— Чего? Ну можешь сапоги надеть или кроссовки.

К английской юбке и строгому пиджаку? Нет, Галка права, ботинки — меньшее из зол. И Машка, вздохнув, пошла за газетами. Младшая, спрятавшись в углу, преме́рзко хихикала, а ее братец, отвлекшись от книги, сказал:

— Главное, что в голове, а не что надето.

В свои пятнадцать племянник полагал себя мудрым и спешил мудростью делиться.

— Только ходи аккуратно. — Галка сама шнурки завязала. Порой Машке казалось, что сестрица не видит разницы между своими отпрысками и нею, но сегодня

возражать не хотелось. — И в лужи не лезь... и сумку не забудь... а туфли твои я почищу.

— Спасибо.

— Ни пуха. — Галка сплюнула и постучала по дверце шкафа. — Иди уже, учительница...

...Наверное, в этом и беда, что на учительницу Машка походила слабо. В двадцать пять с хвостиком она выглядела едва ли на пятнадцать. Круглолицая, розовощекая, глаза синие и наивные, а волосы белые, мелким бесом выются. Машка с ними и так, и этак боролась. Пыталась выпрямлять, мазала гелями, лаками поливала. Волосы становились хрустящими, как папиросная бумага, но продолжали виться.

Бросив последний взгляд в зеркало: серый костюм кое-как скрывал подростковую субтильность фигуры, волосы были зачесаны в правильный учительский узелок, — Машка ответила:

— К черту.

И побежала, убеждая себя, что сегодня у нее получится. Должно же у Машки хоть когда-нибудь да получиться? В конце концов, сколько можно у сестры на шее сидеть? Галина-то не против, а супруг ее не так уж часто дома бывает, чтобы Машка ему мешала, и племянники ее любят, но ведь в двадцать пять уже пора вести взрослую самостоятельную жизнь!

Только заработать на нее не выходит.

Во дворе Машку встретил Толик, старый ее ухажер, который периодически признавался, что чувства остыли, и исчезал, а спустя месяц-другой выплывал из небытия с букетиком из трех гвоздик и пафосной речью.

— Мария! — Он всегда обращался именно так. — Остановись!

— Мне некогда!

Такси Машка решила не вызывать: денег в кошельке было мало, и те — стараниями Галины.

— Мария, я шел к тебе с официальным предложением.

— Потом!

Он схватил за рукав и, рывком развернув Машку, сунул ей в руку гвоздики.

— Это тебе.

— Толя, спасибо, но мне действительно некогда. Спешу я.

— Куда? — Толик нахмурился. В периоды своей влюбленности в Машку он становился навязчив и патологически ревнив.

— На собеседование. На работу я устраиваюсь...

И на эту работу Машку рекомендовала Светочка, бессменная подруга сестры. Опаздывать было бы крайне неприлично.

— Так, — Толик посветлел лицом, — я тебя подкину. Я тачку купил...

Предложение было заманчивым и, глянув на часы, Машка согласилась, но очень скоро о своей согласии пожалела. Толикова «тачка» оказалась «Мерседесом», возраст которого перевалил за третий десяток.

— Осторожно, — предупредил Толик, не то открывая дверцу, не то придерживая ее, чтобы не отвалилась. — Ее немного починить надо.

— Немного? — Сиденье под Машкой заскрипело, и спинка опасно накренилась, грозя обвалиться в любой момент. — Да она...

Машка прикусила губу: лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Машина, к счастью, завелась почти сразу.

— Ты не смотри, что она такая, — Толик вцепился в руль обеими руками, — это ничего... у меня друган есть, так у него руки золотые...

...Машка кивала — а большего от нее в разговоре с Толиком и не требовалось — и думала о своем. Мысли были печальными.

Галка обмолвилась, что Федору в городе работу предлагают постоянную, с хорошим окладом. Это раз. Галка снова беременна — это два. И конечно, Машка любит этого ребенка, как любит остальных племянников, несмотря на занудство старшего и неумную страсть к усовершенствованию всего младшей. Но в квартире три комнаты, причем третья появилась после того, как зал разделили перегородкой надвое, выделив Машке закуток. Вроде бы все по-честному, и никто никому не мешал, но теперь...

...Галкин муж, который будет возвращаться не на неделю в полгода, но каждый вечер. И тишины захочет, покоя. Новорожденный малыш. Ксенька повзрослевшая. И Гарик, который давно ворчал, что не желает с девчонкой комнату делить.

Семья.

И в этой семье Маша лишняя. Нет, ей никто в глаза не скажет, но она сама время от времени ловит задумчивый Галкин взгляд. В нем так и читается, что, мол, одно дело вчетвером жить, а вшестером — совсем другое. И ведь права она. Машка взрослая. Самостоятельная. Только невезучая до жути... и с работой у нее ну никак не ладится. А дать денег, чтобы квартиру снимать... нет, на такое Маша не согласна.

Хоть и вправду замуж выходи.

За Толика.

Машка покосилась на него, сосредоточенного, насупленного — видимо, понял, что его не слушают, и обиделся. Жених? Почему нет? Не урод. Занудный слегка. И влюбчивый. Зато квартиру имеет трехкомнат-